

Слово о Поле Розене¹

А. Кантор

Пол Розен (1936-2005), почетный (emeritus) гарвардский профессор, известный западный историк психоанализа, автор не менее 700 печатных работ по психоанализу, включая 17 книг, не раз переизданных на многих европейских языках². Он также являлся редактором сочинений Фрейда и других крупных аналитиков, публикатором неизвестной ранее переписки Фрейда с его сподвижниками и оппонентами, неоднократно участвовал и выступал на крупнейших мировых психоаналитических и психотерапевтических форумах. В России только что вышла книга Розена – «Фрейд и его последователи» (имелась в виду ее презентация здесь, в Санкт-Петербурге, на Конгрессе, совпавши по времени со 150-летним юбилеем З.Фрейда и 70-летием самого П.Розена; к сожалению, не пришлось). П.Розен, подобно Фрейду, также имеет

¹ Слева – подаренная автору сообщения П.Розеном фотография, которую тот предпочитал для публикации переводов его сочинений.

² Эти и другие данные будут мною уточнены после проведения Мемориальных чтений П.Розена в Гарвардском Университете 16 мая 2006 г.

российские (имперские) корни; в начале прошлого века родители его отца эмигрировали в США из небольшого городка близ Киева, семья матери, еще ранее прибывшая в Америку, происходила из Риги и Германии (сам Пол бывал в России, с интересом читал в переводах Л.Толстого и Ф.Достоевского). Розен успел опубликовать мемуары о своей научном поприще, назвав их «On the Freud Watch: Public Memoirs», что-то вроде «На посту (или «На службе») у Фрейда», далее подчеркнув их открытый («public») характер. Последнее обстоятельство связано, что не скрывает автор, с его «еретической» позицией в отношении ряда острых и нередко скрывааемых или ретушированных аспектов психоаналитического движения и личности Фрейда. В некрологе, опубликованном в британской «Индепендент», исследования Розена названы «ниспровергающими» ортодоксальные мнения об окружении и последователях основателя психоанализа³. Только самому Фрейду Розен посвятил 7 (!) солидных, фундированных и, во многом, новаторских монографий.⁴ Лично я был свидетелем блестящего доклада Пола «Что за человек Фрейд? Был ли он добрым малым?»(What sort of person was Freud? Was he a nice guy?) на международной конференции «Фрейд на пороге 21 века», в Иерусалиме (1999); об идеях которого скажу особо. П.Розен был не только высококомпетентным, эрудированным специалистом в области истории и теории психоанализа (а также политической и социальной мысли), но также знатоком клинической практики психоанализа, изучать которую он начал, будучи еще студентом политических наук (у нас говорят «политологии»), посещая Бостонскую клинику «Psycho» и присутствуя на консилиумах психиатров. Именно тогда студент-гуманитарий осознал недостаточность только письменных (в широком смысле слова) источников. Так, позднее (1964-1967 гг.), Розен разыскал и лично проинтервьюировал более 70 человек, лично знавших Фрейда, среди которых было 25 его пациентов, а также около 40 участников раннего периода и других специалистов психоаналитического движения.

³ Professor Paul Roazen. Historian of psychoanalysis whose 'subversive' research upset Freud's family and followers. By Morton Schatzman // The Independent .16 November 2005.

⁴ Freud: Political and Social Thought (1968, 1986, 1999); Brother Animal: The Story of Freud and Tausk (1969, 1990); Freud and His Followers (1975); Encountering Freud: The Politics and Histories of Psychoanalysis (1990); Meeting Freud's Family (1993); How Freud Worked: First-Hand Accounts of Patients (1995); The Trauma of Freud: Controversies in Psychoanalysis (2002).

Глубина исследований П.Розена никогда не была узкой, тоннельной, он поразительно тонко улавливал связи внутри и вне психоаналитической корпорации, ее синхронность и сходство с интеллектуальными веяниями и политической борьбой, а также историко-культурный контекст психоаналитического движения.

Впервые я встретился с П.Розеном на 41 Конгрессе Международной Психоаналитической Ассоциации в июле 1999 г. (кстати, он не являлся членом IPA; возможно, его туда и не приняли бы). Я попал туда достаточно случайно, отправив свои тезисы с большим опозданием, но они нашли поддержку у добрых ангелов русских аналитиков Н.Хаен-Прокен и Г.Голдсмита. Итак, я оказался в Сантьяго-де-Чили, в роскошном чилийском дворце «Каса Пьедро», почти у подножия Анд, грандиозного горного хребта Латинской Америки, внимая звездам мирового психоанализа и с трепетом ожидая времени своего доклада. Никто не отказывал мне, личности совершенно неизвестной участникам Конгресса (кроме Гарри Голдсмита, знакомого мне по московскому семинару 1998 г.), в общении, включая таких маэстро как О.Кернберг, Д.Кафка и Х.Кэхеле. Они были весьма учтивы и вполне заинтересованно отнеслись к моему докладу, а Кафка и Кэхеле даже пришли послушать и участвовали в дискуссии, за что я им сердечно признателен. Однако Розен был особым человеком. Думаю, он почувствовал мое первоначальное, если не сказать, «первичное» одиночество на этом празднике психоаналитической жизни. Немало времени я проводил возле киосков психоаналитических издательств, просматривая литературу и рассчитывая на великодушные презенты продавцов «for a poor Russian analyst» (очень благодарен нью-йоркскому издателю М.Московичу, не раз оставлявшему мне непроданные книги и журналы; кое-что я все же покупал, за свои деньги). Там и подошел ко мне человек, я бы сказал, типично интеллигентного вида, худощавый, в очках, с заметным носом и слегка свободной, седоватой шевелюрой; чем-то напоминая мне кого-то из американо-еврейских знаменитостей мира искусства, вроде Артура Миллера и Вуди Аллена, а еще сентиментальное стихотворение Евтушенко о старом профессоре («в костюме и не модном, и не новом, как и всегда, не модном и не новом»). Хотя боюсь, что фактически (не психологически!) я ошибаюсь, перенося собственные проекции на консьюмеристское общество; вряд ли Розен был столь скромно одет, возможно, меня смутил его серо-зеленый пиджак, в общем, все

равно Розен выглядел иначе других участников Конгресса. Поздоровавшись, он представился и сразу же заговорил о России и русских аналитиках, упоминая Кадырова, Решетникова и Ромашкевича. Заговорил заинтересованно, доброжелательно и, разумеется, корректно. (Иные иногда, прочитав мой Congress badge'ик, могли спросить: «Вы, действительно, из России? Что, и там знают о психоанализе? О, Вы даже выступаете?!»). Бесспорно, на тот момент Розен лучше знал состояние психоанализа в России, нежели я.

При всей его предупредительности и внимании к собеседнику, в нем ощущалась определенная цепкость и пронизательность взгляда. Он высказывался обстоятельно, прибегая к сравнительно длинным фразам, с придаточными предложениями (явно на пределе моего английского), но очень точно формулировал мысль.

В тот же год мы увиделись с ним уже в декабре в Иерусалиме. Он узнал меня даже раньше, чем я его. Деликатно вступил в нашу беседу с одним, как мне помнится американским биологом, уговаривавшим меня составить ему компанию в поездке в Вифлеем. Подошел кто-то еще, знакомый Розену, и он охотно представил его нам, а нас ему. У него получалось дружески соединять людей, ничем себя не выпячивая. После Израиля мы стали переписываться, по обычной почте (тогда у меня не было компьютера). Он немедленно откликнулся на мою просьбу прочитывать полный текст его доклада о Фрейде, прислал его мне и дал разрешение на перевод, без каких-либо условий. Конечно, я не удержался от желания послать ему английские версии моих зарубежных докладов, и он одобрительно о них отозвался. Я приглашал его к себе в гости, он отвечал, что хотел бы увидеть Петербург Достоевского, вспоминал о посещении Ясной Поляны, сам приглашал меня на различные психоаналитические мероприятия в Европе, куда собирался, уговаривал (!) посетить вместе с ним Париж...Какое-то время наше общение прервалось, возобновившись с появлением у нас дома компьютера. Добрейший и всемогущий Виктор Иванович Овчаренко разыскал мне в Интернете электронный адрес Пола (как потом выяснилось, устаревший) и даже его последний к тому времени портрет. Наконец, я обратился в Кембридж, на факультет, где Пол преподавал, и он с удовольствием отозвался. Потом Пол систематически «сбрасывал» мне свои работы последних лет, а кое-что по обычной почте, с дарственной надписью и более ранней фотографией, которую он

пожелал разместить с русскими переводами его работ. На ней он - обаятельный сорокалетний юноша, кудрявый, улыбочивый, но с тем же зорким взглядом.

Розен был чувствителен к неискренности и апологетичности психоаналитических авторов, и без стеснения отмечал это в своих работах, рискуя вызвать и вызывая недовольство влиятельных фигур в психоанализе, включая саму Анну Фрейд. Это касается, прежде всего, книги П.Розена «Братец Зверь», посвященной драматическим, если не трагическим, отношениям Фрейда с его талантливым учеником Виктором Тауском, позднее покончившим с собой, не без косвенной вины отца психоанализа; а затем его комментированных публикаций переписки Фрейда с Ш.Ференци и К.Абрахамом, журнальной полемики, многих других статей и книг.

Мнение П.Розена: Фрейд не был и не мог быть «хорошим парнем» или «добрым малым» (a nice guy) по определению. Ибо являлся подлинно «подрывным» мыслителем, прозревавшим мрачные перспективы человечества, бросавший вызов стандартам. Однако пытался спасти его терапевтически, денно и нощно работая с людьми, занимаясь самоанализом, отвечая на письма, руководя движением и т.д. Будучи культурным, учтивым европейцем венского толка, Фрейд раздражался «варварству» американцев, их непосредственности и энергии; они же, в свою очередь, с размахом приняли его как духовного лидера. Тонкий аналитик, интеллектuala, он бывал нетерпим, не мог избежать стихий человеческих отношений, ревности, неприязни, конфликтов с учениками; триумф Фрейда был связан с потерями... Что ж, цитирует Розен американскую поговорку: «хорошие парни приходят последними», то есть, надо понимать, уже на готовое... Но в этом смысле, М.Кляйн и даже А.Фрейд также нельзя назвать «правильными девочками» психоанализа.⁵

Многие коллеги Розена называют его «контroversальной» (controversial) фигурой психоаналитического сообщества. Это трудно точно перевести на русский язык. Переводят: «неоднозначный», «спорный», даже «противоречивый», что совсем неверно. Думаю, не следует отбрасывать прямой смысл этого слова: способность

⁵ Существует еще американская, по-моему, поговорка о девушках, хорошеющих к концу вечеринки.

видеть и создавать иные, противоположные (contro) версии события. В конце концов, а точнее, прежде всего, именно таким был сам Зигмунд Фрейд, на службе которого («On the Freud Watch») всю свою жизнь состоял Пол Розен.

Свои профессиональные мемуары Розен закончил небольшой главой «Личный эпилог: сокровенные места» (A Personal Epilogue: Secret Spaces). Пол вспоминает «рай из своего раннего детства»: он с ведром и совком на летнем пляже. «Невероятно поглощенный» (incredibly absorbed) созиданием постоянно смываемых стихией замков, песком и водой, снующими в ней красивыми пескарями....То было его «личным королевством» (personal realm), несравнимым с лучшими пляжами мирами, куда он впоследствии выводил собственных детей.

Думаю, это свидетельство присущей Полу, гарвардскому ученому с мировым именем, единства и связанности личности, его открытости реалиям, искренности и биофилии. Да будет память о нем благословенна!

